

В. С. Яновский

ЯНОВСКИЙ Василий Семенович (псевдоним В. Мирный) [1(14).4.1906, Полтава — 20.7.1989, Нью-Йорк] — прозаик.

Родился в семье служащего, свое школьное детство подробно описал в одобренной М. Горьким и А. М. Ремизовым повести «**Колесо**» (1930). В 1917 умерла мать. Я. с отцом и двумя сестрами в 1922 переехал в Польшу, учился на математическом ф-те Варшавского ун-та. В Варшаве опубликовал первые рассказы в русской газ. «За свободу», в т. ч. «**Рассказ о трех распятых и многих оставшихся жить**», посвященный истории Вараввы, помилованного при распятии Христа. Уже в этой вещи заметно постоянное стремление Я. сочетать в одном произведении «высокое» с «низким», физиологическое описание жизни с парящей метафизикой. То же самое «Колесо», первое крупное произведение Я., трактовалось им самим не только в бытовом плане, как «повесть о детстве», но и в метафизическом, как «Колесо Революции», в чем, конечно, был смысл, если вспомнить позднейшее «Красное колесо» А. И. Солженицына.

В 1926 Я. уехал в Париж, поступил на медицинский ф-т Сорбонны и окончил его в 1937. После оккупации немцами Парижа

в 1940 переехал на юг Франции, в июне 1942 уехал с женой и дочерью в США, поселился в Нью-Йорке, в 1947 получил американское гражданство, работал врачом-анестезиологом в городских больницах.

Критика, Н. А. Бердяев в т. ч., находила известное сходство между прозой Я. и прозой Луи Селина, тоже врача. В этом утверждении есть свой резон, но весьма простой: русский прозаик работал с французским некоторое время в одной клинике и «...естественно, подвергался соблазну тех же тем и приемов» (**Поля Елисейские**. С. 162). Общее у них есть, однако, и в достаточно жестком взгляде на человеческую природу, в их внимании к крику и бунту плоти. Это не мешало Я. считать любимым своим мыслителем проповедовавшего «воскрешение отцов» Н. Ф. Федорова и многому научиться у аристократически стерильного Н. А. Бердяева. Резко отличает Я. от Селина и его экуменическое христианство, и активное отрицание любых националистических концепций, не говоря уж о заигрывании с фашизмом, в котором прозаик обвинял известную часть русской лит. эмиграции. Все христиане, полагал Я., имеют «...только одно спасительное Имя, одну дверь, один путь» (**Поля Елисейские**. С. 162). Особенно в эмиграции «римское восприятие национальности как юридической принадлежности, без критерия расы или религии, оказалось настоящим откровением», — утверждает Я. в «**Полях Елисейских**» (С. 54–55).

В парижские годы Я. входил в число постоянных авторов «Чисел», полужурнала-полуальманаха, издававшегося в 1930–34 и объединившего преимущественно эмигрантскую молодежь, не успевшую проявить себя на родине. Затем Я. входит в состав созданного под эгидой И. И. Фондаминского «Круга» (лит. объединение и альм. 1935–38), сближавшего молодых авторов с представителями религиозно-философской элиты русской эмиграции, в первую очередь из ж. «Новый Град». В эти же годы Я. постоянно сотрудничает в крупнейших газ. и ж. Русского зарубежья тех лет «Последние новости» и «Совр. записки», ведет отдел критики в парижском ж. «Иллюстрированная Россия». В парижский период Я. издает наполненный боготорческими дискуссиями роман «**Мир**» (1931) и повесть «**Любовь вторая**» (1934), своего рода заповедь небесной любви, обращенная к грешной земле. Г. П. Струве оценивает прозу Я. в целом так: «При всем его грубом натурализме, при всех его грехах против русского языка <...> у Яновского была какая-

то подлинная сила, вещи его больше задевали, чем более гладкие, более вытощенные романы Газданова. За зловонным миром Яновского чувствовалось порывание — и временами даже порыв — в мир светлый и чистый» (С. 199). И далее — о наиболее ценимом самим прозаиком романе той поры, изданном уже после войны в США, **«Портативном бессмертии»** — критик продолжает: «В „Портативном бессмертии“ — лучшей, хотя и неровной, вещи Яновского, в которой хорошо передана трагическая атмосфера предвоенных лет и прекрасно описано парижское „дно“ — тема преображения, просветления жизни проходит через весь роман» (Там же). Некая неслиянность «духовного» и «плотского» мира в прозе Я., несомненно, присутствует. Хотя именно тема «нераздельности» всего сущего, тема связи и памяти — это как раз его тема. Характерно в этом отношении и его активное участие в екуменическом ж. «Третий час» по переезде в США, и его постоянное увлечение Марселем Прустом, и недоверие к замкнутым эстетическим системам, наподобие نابоквской. Образцовыми для Я. всегда были писатели открыто противоречивые, писатели, жертвовавшие «стилистикой» ради раскрепощения сознания, такие как Лев Толстой или Александр Герцен, а среди его современников лично ему близкие, несмотря на все их отчетливо осознаваемые писателем «грехи», Георгий Адамович и англоамериканский поэт Уистен Оден. Сам Я., практикующий врач-анестезиолог, так написал об экзистенциальной проблеме своей жизни и творчества: «Я знаю почти все о жизни, но пока я чего-то не усвою о смерти, я ничего не пойму в жизни» (**Из дневника 1955–1959 гг.** С. 166).

Проза Я. «законам» эстетики предпочитает «беззаконие» дерзкой эпатажной правды, но в результате оказывается излишне рационалистической, «придуманной». При всей брутальной заземленности она как раз слабо приспособлена для изображения органики человеческой жизни, ее тепла. Прямое следование философским замыслам и сюжетам часто огрубляет саму по себе словесную ткань этой прозы, не всегда спасаемой даже запоминающейся резкостью оценок и безусловным стремлением к истине. Поэтому вынужденно приближенная к быту, к реальности его «книга памяти» — мемуары **«Поля Елисейские»** (1982) — оказалась наиболее сильной его вещью как раз с беллетристической точки зрения. Жизнь русской эмиграции, ее худож. и интеллектуальной про-

слойки в Париже 1930-х рассмотрена автором не только «вертикальным», как любил выражаться сам Я., способом, но и «горизонтальным», принимающим во внимание саму по себе жизнь — вне зависимости от нашего умозрения.

«Поля Елисейские» изданы на русском и на английском яз., и это единственная пока книга писателя, изданная на родине. Некоторые его русские вещи до сих пор не увидели свет, в т. ч. романы **«Заложник»**, **«Кимвал бряцающий»**. Они находятся в Бахметевском фонде Колумбийского ун-та (США). В США Я. в 1950-е вообще отошел от русской прозы и начал писать и печатать романы на английском яз. Высоко оценивавшийся самим автором роман **«По ту сторону времени»** издан по-английски (**«No Man's Time»**. New York, 1967) с предисловием У. Одена. По-русски напечатан лишь в 1987–88 в нью-йоркском «Новом ж.» (Кн. 166–170). Кроме того, Я. — автор книги **«Медицина, наука и жизнь»** (**«Medicine, Science and Life»**. New York, 1978).

Соч.: Портативное бессмертие. Нью-Йорк, 1953; Челюсть эмигранта. Нью-Йорк, 1957; Пути искусства // Опыт: альм. Мюнхен. 1960. № 4; Американский опыт. Нью-Йорк, 1982; Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983; 2-е изд. СПб., 1993; Ересь нашего времени // Новый ж. Нью-Йорк. 1996. Кн. 198–202; Из дневника 1955–1959 гг. // Новый ж. Нью-Йорк. 1997. Кн. 209; Из дневника 1960–1964 // Новый ж. Нью-Йорк. 1999. Кн. 214.

Лит.: Довлатов С. Против течения Леты // Звезда. 1991. № 9; Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996; Кондаков И. Яновский В. С. // Русские писатели 20 века: биографический словарь. М., 2000.

А. Ю. Арьев

ЯСЕНСКИЙ Бруно (русское имя Виктор Яковлевич Ясенский) [17.7.1901, местечко Климонтов Радомской губ., Польша — 20.10.1941, в заключении] — прозаик, поэт.

Русское имя возникло после переезда в СССР в 1929. Родился в семье врача, отец лечил крестьян преимущественно без оплаты и в округе прослыл чудачком. Я. печатался с 1918. Окончил Краковский ун-т. Первый сб. стихов на польском яз. — **«Сапог в петлице»**. В 1922 начинает переводить стихи В. Маяковского и С. Есенина. В поэме **«Песня о голоде»** (1922) призывает к социальной революции. В 1924 издает сб. стихов **«Земля влево»**, становится лит. редактором львовской коммунистической газ. «На-